

О. А. БОГДАНОВА *

**СЕМИНАРИЙ А. К. БОРОЗДИНА
В ПЕТРОГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 1910-Х ГГ.:
СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ О ДОСТОЕВСКОМ¹**

Впервые рассмотрен малоизвестный источник институционального становления науки о Ф. М. Достоевском в 1910-е гг. — семинарий профессора Петроградского университета А. К. Бороздина, из которого вышли известные исследователи жизни и творчества писателя Ю. А. Никольский и В. Л. Комарович. Анализируется учебно-научная деятельность семинария. Основное внимание уделено забытым публикациям под рубрикой «Памяти Ф. М. Достоевского (К 35-летию со дня смерти писателя)» в петроградской газете «День» 28 января 1916 г. В статье А. К. Бороздина «Из воспоминаний» подводится итог предыдущему — философско-эссеистическому — восприятию Достоевского в России и провозглашается начало нового — научно-филологического — этапа освоения наследия великого писателя, основанного на изучении фактов и документальных источников. Об этом свидетельствуют две другие статьи подборки — Л. Коварского «Любимые книги Достоевского» и Ю. Никольского «Достоевский и Л. Толстой», посвященные установлению круга чтения писателя и анализу его взаимоотношений с современниками.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, наука, 1910-е гг., Петроградский университет, семинар, А. К. Бороздин, В. Л. Комарович, Ю. А. Никольский.

Недавно вышла в свет книга В. Л. Комаровича², выдающегося достоеведа, одного из основателей науки о великом писателе, входившего в плеяду блестящих ученых — выпускников Петроградского университета 1910-х гг. — А. С. Долинина, Б. М. Эйхенбаума, Б. М. Энгельгардта, А. Л. Бема, Ю. Н. Тынянова, К. В. Мочульского, С. М. Бонди,

* Ольга Алимовна Богданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы Российской академии наук (ИМЛИ РАН) — olgabogda@yandex.ru.

Olga Alimovna Bogdanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS).

¹ Работа выполнена в ИМЛИ РАН за счет средств гранта РФФИ № 18-012-90027 «Ф. М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX — первой трети XX в.: критика, публицистика, эго-документы, научный дискурс».

² *Комарович В. Л.* «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф. М. Достоевском / Сост., отв. ред. и автор вступит. статьи О. А. Богданова. М., 2018. 927 с.

Ю. Г. Оксмана и др. Именно в его стенах формировались условия для институционального оформления науки о литературе в целом и науки о Достоевском как ее части. Важнейшую роль в этом процессе сыграл учебный модуль, который организовал на филологическом факультете Петроградского университета Александр Корнильевич Бороздин (1863–1918) — историк русской литературы рубежа XIX–XX вв., популярный профессор, руководитель семинария по изучению творчества Ф. М. Достоевского.

Анализируя в своем известном обзоре 1925 г. «Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения» книгу Ю. А. Никольского «Тургенев и Достоевский. История одной вражды» (София, 1921), Комарович заметил, что рассматриваемое «исследование Ю. Никольского, а также работы Л. Коварского (“Достоевский и Диккенс”) и Л. Першица (“Достоевский и Белинский”), в печати не появившиеся, наконец и моя <...> работа: “Юность Достоевского” (“Былое”, № 23) своим возникновением обязаны историко-литературному семинарию ныне покойного профессора А. К. Бороздина. Его семинарий, посвященный изучению Достоевского, существовал от 1912 г. по 1917 г.»³. Практически все публикации Комаровича 1910 — начала 1920-х гг. о творчестве автора «Братьев Карамазовых» или полностью созданы, или задуманы в рамках этого семинария.

Параллельно с бороздинским в стенах Петроградского университета действовал Пушкинский семинарий С. А. Венгерова. «Семен Афанасьевич, как профессор и руководитель студентов, — писал известный библиограф А. Г. Фомин в 1922 г., — сыграл видную и благотворную роль, он сумел в <...> студенческой молодежи возбудить серьезный интерес к литературе, любовь к ней, побудить к научной работе, привить научные навыки. И лучшим убедительнейшим доказательством этого служит то, что почти все работающие в настоящее время молодые теоретики и историки русской литературы XIX в. и пушкиноведы — ученики Семена Афанасьевича». Хотя он и не создал собственной научной школы в строгом смысле этого слова и многие его ученики стали сторонниками иных подходов и методов изучения литературы, нет сомнения в том, что «он создал большую энергичную семью молодых исследователей истории русской литературы XIX века <...>»⁴.

Из Пушкинского семинария Венгерова вышли как будущие пушкинисты, так и достоевскоеды. В рамках венгеровского семинария написана в 1915 г. первая опубликованная статья Комаровича «Достоевский и “Египетские ночи” А. С. Пушкина». Студенческий состав обоих семинариев был практически идентичен. Однако в оценке Комаровича

³ Комарович В. Л. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 22–23.

⁴ См.: Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Пушкинист IV / Под ред. Н. В. Яковлева. М.; Пг., 1922. С. XXXII–XXXIII.

решающее значение в творческой судьбе его поколения имел все-таки бороздинский семинарий, о чем свидетельствует письмо молодого литературоведа к П. Е. Щеголеву⁵ от 10 февраля 1919 г. в Петроград из Нижнего Новгорода, где Комарович в то время налаживал преподавание во вновь созданном университете: «...напишите мне о последних днях, смерти, похоронах Александра Корниловича», с ним «ушла длинная довольно и очень знаменательная полоса моей жизни, и думаю — не только моей»⁶. Безвременная смерть «выдающегося историка русской литературы <...> на 56 году жизни»⁷ оказалась в ряду повальных смертей писателей и ученых, погибших от голода, болезней и истощения в революционном 1919 г.: помимо Бороздина, это Г. А. Лопатин, М. А. Антонович, Р. И. Сементковский, А. С. Лаппо-Данилевский, М. И. Туган-Барановский, К. К. Арсеньев, П. М. Невежин, П. Д. Боборыкин, В. В. Розанов, Л. Н. Андреев, В. И. Засулич, С. А. Толстая и десятки менее известных имен. В петроградском журнале «Вестник литературы. Орган общества взаимопомощи литераторов и ученых» в 1919 г. была открыта целая рубрика «Скорбная летопись», в которой ежемесячно появлялось не менее десяти некрологов.

О семинарии Бороздина сведений сохранилось совсем немного. Сам руководитель известен своими работами по русскому расколу («Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке», СПб., 1898; «Очерки русского религиозного разномыслия», СПб., 1905; 2-е изд. 1907). В пятитомной «Истории русской литературы» (М., 1908–1911) Бороздину принадлежат несколько глав, посвященных русскому фольклору, и весь том «История русской литературы до XIX века»⁸. Особой известностью пользовались «Литературные характеристики. Деятнадцатый век» (СПб., 1903–1906, в 3-х вып.; 2-е изд. в 1911 г. в 2 т.). Бороздин преподавал в университете с 1895 по 1918 г., читая общий курс истории русской литературы первой половины XIX в., курсы «История русской литературы XVI и XVII вв.», «История русской литературы карамзинского периода», «Русская литература времен Николая I и Александра II», постепенно закрепившийся в кафедральном преподавании методологический курс «Задачи и методы изучения литературы» и др. Но главной его заслугой стало обращение к ближайшим

⁵ Щеголев П. Е. (1877–1931) — видный историк русской литературы, текстолог и источниковед, редактор журналов «Былое» и «Минувшие годы», автор исследования «Дуэль и смерть Пушкина» (1916); за острые публикации на тему революционно-освободительного движения в России был заключен в Петропавловскую крепость (1909–1911), после революции занимал ведущие посты в советских государственных архивах.

⁶ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 209. Также см.: *Богданова О. А.* Письма В. Л. Комаровича П. Е. Щеголеву // *Литературный факт.* 2017. № 3. С. 279.

⁷ *Б. н.* Скорбная летопись // *Вестник литературы: Орган общества взаимопомощи литераторов и ученых.* 1919. № 3. Март. С. 14.

⁸ Подробнее см.: *Ленехин М. П.* Бороздин А. К. // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* М., 1989. Т. 1. С. 315–316.

литературным эпохам, включая современность, в циклах лекций («Лирика после Пушкина», «Русская литература после Гоголя», «Достоевский») и в деятельности семинариев⁹. А. Г. Фомин писал, что в 1900–1910-е гг., помимо пушкинского семинария С. А. Венгерова, «студенты-филологи, имевшие литературные склонности и интересовавшиеся историей русской литературы XIX века, группировались около профессора А. К. Бороздина и даже носили особую кличку: “бороздиновцы”. Лектором он был плохим, читал лекции без подъема, одушевления, обычно по печатным разорванным листкам своих “Литературных характеристик”, и лекции его посещались мало, но его семинарские занятия, происходившие у него на квартире, собирали много студентов. Человек с хорошей душой, добродушный, приветливый, глубоко любящий студентов, Александр Корнилович сумел сплотить их около себя, создать доброе к себе отношение, заинтересовать своим семинарием. Среды, когда происходили семинарские занятия у Александра Корниловича, были вообще его приемным днем, и у него собирались бывшие его слушатели и участники семинария, добрые друзья и знакомые — Е. В. Аничков, П. Е. Щеголев, Р. В. Иванов-Разумник и другие исследователи литературы. Таким образом, происходило общение молодых студентов со старшим поколением, с работниками в области изучения литературы. Занятия шли в семинарии живо, студенты с увлечением работали над разными вопросами, доклады вызывали живые, часто горячие прения»¹⁰. Судя по письму Комаровича к П. Е. Щеголеву от 25 сентября 1918 г., научные связи с Бороздиным сохранялись у бывшего семинариста и после окончания университета — договариваясь с Щеголевым о публикации в «Былом» своей статьи об «Исповеди Ставрогина», он ссылаясь на то, что «статья <...> была прочитана <...> в заседании Пушкинского общества, с ней познакомился и Александр Корнилович»¹¹.

Подборка работ семинаристов Бороздина и самого руководителя, напечатанная в 1916 г. в петроградской газете «День»¹² к 35-летию со дня смерти Достоевского, дает некоторое представление о стиле мышления и отношении к Достоевскому в семинарии Бороздина. Сам он выступил на страницах газеты с заметкой «Из воспоминаний». Приводим ее текст полностью¹³.

⁹ См.: *Карпов А. А.* Кафедра истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета: эпохи и имена (1819–1919). URL: <http://lit.phil.spbu.ru/doc/karpov.doc>

¹⁰ *Фомин А. Г.* С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Пушкинист IV / Под ред. Н. В. Яковлева. М.; Пг., 1922. С. XVI–XVII.

¹¹ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 209. Также см.: *Богданова О. А.* Письма В. Л. Комаровича П. Е. Щеголеву // Литературный факт. 2017. № 3. С. 274.

¹² См.: *День*. 1916. 28 января. № 27. С. 4.

¹³ При republicации статей А. Бороздина, Л. Коварского и Юр. Никольского из газеты «День» (28 января 1916 г.) орфография и пунктуация даны в соответствии с современными нормами русского языка, цитаты из писем и сочинений Ф. М. Достоевского

«Тридцать пять лет прошло уже с того дня, как мы, придя в школу, услышали о кончине Ф. М. Достоевского. Впечатление было чрезвычайно сильное: мы поняли, что от нас ушел человек совсем необыкновенный, такой, подобного которому мы указать в наше время никого не могли. Достоевский был для нас не просто великий писатель, это был учитель, к голосу которого мы в последние годы его жизни привыкли прислушиваться, как к властному слову, указующему единственно правильный путь жизни и деятельности. Мы жили в ту счастливую эпоху, когда еще действовал целый ряд виднейших писателей, создавших славу нашей литературы. Жив был Тургенев, которого только недавно чествовали в Москве при открытии памятника Пушкину, один из обаятельнейших художников слова, писатель, произведения которого чаровали всех своей музыкальностью и пластичностью; мы привыкли любоваться этим красивым старцем, видя его на разных литературных вечерах или встречая его каждый день во время его утренней прогулки по Невскому проспекту, от Морской до Гостиного двора; но он оставался для нас только писателем и не был тем человеком, к которому мы шли бы за поучением, за словом, разрешающим для нас важнейшие жизненные вопросы. Рядом с ним были другие художники — Гончаров, Островский, Писемский, Майков, Полонский, но они стояли от нас еще дальше. Был, наконец, один из величайших мировых гениев-художников, который сразу покорила нас своей силой, Л. Н. Толстой, но в это время мы еще не видели в его созданиях отклика на те моральные и общественные вопросы, которые нас волновали. Таким образом, Достоевский был для нас тем дорогим человеком, который каждым своим словом вызывал в нас целую бурю запросов, который отвечал на наши молодые порывы и открывал нам широкие горизонты нашей будущей общественной работы. Образ Коли Красоткина, представленный нам в его последнем большом романе, был нам родной, и каждый из нас хотел подходить к этому прекрасному типу...

От этого учителя мы слышали в последние годы некоторые суровые уроки. Наши старшие товарищи, сознавая свой неоплаченный долг перед народом, шли на служение ему, вступали в неравную борьбу с земными силами реакции, быть может, при этом доходили до крайностей и ошибок, и человек, когда-то пострадавший за свои политические убеждения, обращался к ним со словом, в котором звучало порой самое, по-видимому, резкое суждение. В ответ на горячие порывы наших старших товарищей мы слышали от Достоевского суровые слова. «Смирись, гордый человек», и в этих словах нам чуялась глубокая правда, особенно для нас, так как за редчайшими исключениями мы думали,

оставлены без ссылок на источники (как в газетном оригинале) и в характерной для до-революционной эпохи «вольной» передаче (т. е. орфографически и синтаксически неточной), замеченные опечатки исправлены, единичные публикаторские вставки, необходимые по смыслу, взяты в ломаные скобки (< >).

что не народу у нас, а нам у народа следует учиться. Конечно, учиться у народа мы хотели именно тому нравственному пониманию целой жизни, которое, по словам нашего великого учителя, было в нем так высоко и сильно, что должно было содействовать нашему моральному возрождению, и с этой точки зрения для нас был полон живого смысла призыв, раздавшийся в одном из его последних “Дневников”: “Одному смирись, а другому гордись”. Мы понимали, что нам надо смириться перед “правдой народной”, но мы знали, что носитель этой правды находится в ужасном положении, несмотря на то что недавно только вышел из рабского состояния. Ему служить, этому великому народу, полному высочайших нравственных запросов, этому нашему “сеятелю и хранителю”, этому, действительно “униженному и оскорбленному”, и вместе с тем у него учиться — вот, казалось нам, к чему призывает нас Федор Михайлович, глубоко понявший наш народ в годы своей каторги, и эта его каторга была для нас, пожалуй, лучшим подтверждением правды его вещего слова. Никогда не забыть мне того литературного вечера, на котором Федор Михайлович читал нам главу “Мальчики” из “Братьев Карамазовых”: перед нами на эстраде был человек, рассказывающий нам о нас самих, и наши лучшие порывы морально-общественного свойства находили освящение в словах этого пророка-художника.

И вот его нет! Трудно теперь передать то настроение, которое нами испытывалось, когда мы шли за его гробом. Мы хоронили самого для всех дорогого человека, и для нас еще не могла наступить пора серьезного критического отношения к его творчеству... Эта пора критики и научного исследования была далеко впереди... Теперь прошло уже 35 лет с этого момента, и такое научное исследование начинается: для нового поколения. Достоевский имеет уже иное значение. Новое поколение уже не ищет в его произведениях ответа на запросы минуты, оно видит в нем такого же вождя духа, какими представляются другие мировые гении, и для этого поколения наступило уже время серьезной научной работы над произведениями нашего незабвенного учителя. В этой работе мы можем пожелать им успеха, при котором ярко выяснится истинный облик одного из величайших гениев, которых дала миру наша родина.

Приведенная газетная статья интересна прежде всего тем, что Бороздин выступает здесь как педагог, дающий направление молодому поколению исследователей Достоевского, среди которых был и Комарович. Симптоматичны его слова о том, что «время серьезной научной работы» над произведениями писателя впервые наступило именно для них, входящих во взрослую жизнь в середине 1910-х гг.

Об этом свидетельствуют две другие статьи подборки — Л. Коварского «Любимые книги Достоевского» и Юр. Никольского «Достоевский и Л. Толстой», посвященные отдельным аспектам изучения личности и творчества писателя. Комарович участия в подборке не принял,

возможно, потому, что буквально в эти же дни у него появилась более солидная публикация — «Неизвестная статья Ф.М. Достоевского “Петербургские сновидения в стихах и прозе”» (Русская мысль. 1916. Кн. 1. С. 103–106), также подготовленная в рамках семинария А.К. Бороздина. Все три работы демонстрируют зарождение основополагающей научной стратегии, не потерявшей актуальности и в современном достоеведении¹⁴, — создания источниковой базы изучения личности и творчества Достоевского: установление круга чтения писателя, анализ его взаимоотношений с современниками, формирование корпуса аутентичных текстов, — с целью выяснить «истинный облик одного из величайших гениев», который, по мнению А.К. Бороздина, все еще не был очевиден на излете Серебряного века. Характерно стремление юных авторов держаться установленных фактов и избегать их истолкования в духе собственных воззрений. Через 10 лет эту тенденцию исчерпывающе осмыслил Комарович, критикуя предшественников «нового поколения» — «[и]мпрессионизм критических этюдов А.Л. Волынского, догматизм построений Д.С. Мережковского и Л. Шестова (ведь и диалектическое христианство “Третьего Завета”, исповедуемое самим Д.С. Мережковским, и “Философия трагедии” Л. Шестова не рождались в процессе усвоения Достоевского, а извне привносились в этот процесс, по-своему направляя его): «<...> первые исследователи, стремясь проникнуть сквозь романы Достоевского в его собственный духовный мир, не всегда при этом отчетливо различали в романе частный художественно-философский вымысел и общее авторское задание, функциональное назначение в целом романа той или иной философемы и общий символический смысл этого целого; благодаря такому смещению сплошь и рядом создавались произвольные идеологические построения, лишь выдаваемые за адекватную “передачу в понятиях” философских интуиций художника...»¹⁵

Современный читатель, знакомый со зрелыми плодами 100-летнего древа науки о Достоевском, едва ли почерпнет в статьях из газеты «День» 1916 г. какие-либо новые сведения, однако для человека, знавшего лишь блестящие, но вольные интерпретации В.В. Розанова, Д.С. Мережковского, Льва Шестова, Андрея Белого, В.И. Иванова, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и др., эти короткие заметки были своего рода откровением, означавшим наступление принципиально нового этапа в освоении творческого наследия «властителя дум» русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. Особенно показательна скрытая полемика Ю.А. Никольского с широко известным в те годы трактатом Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество

¹⁴ О чем свидетельствует, например, издание журнала «Неизвестный Достоевский».

¹⁵ Комарович В.Л. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения // Комарович В.Л. «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф.М. Достоевском. С. 276–277.

и религия» (1900–1902), суть которой становится очевидной при обращении к другой работе молодого исследователя, написанной совместно с Б. М. Эйхенбаумом, — статье «Мережковский-критик» (Северные записки. 1915. № 4). Здесь оба друга последовательно ниспровергали Мережковского «как исследователя и “тайновидца” русской литературы, который в своей рассудочно импрессионистической, интуитивной критике использовал “приемы <...> совершенно недопустимые”»¹⁶.

Думается, что без учета этих первых шагов в научном изучении жизни и творчества автора «Преступления и наказания», сделанных семинаристами Бороздина, впредь не сможет обойтись ни одно исследование по обозначенным вопросам. Наряду с объемными обобщающими трудами последних десятилетий¹⁷, эти почти ученические этюды должны занять место в истории науки о Достоевском, играя в ней роль еле заметного ручья, давшего начало полноводному речному течению.

Так как статья В. Л. Комаровича недавно перепечатана и доступна для прочтения¹⁸, в настоящей публикации приводим тексты двух других семинаристов А. К. Бороздина, затерявшиеся на страницах петроградской газеты «День» более чем столетней давности. Немного об авторах статей. О Л. Коварском иных сведений, кроме приведенных в настоящей статье, найти не удалось. Что касается Ю. А. Никольского (1893–1922), то, несмотря на раннюю смерть, он успел оставить след в науке, прежде всего своими работами об А. А. Фете, И. С. Тургеневе, Ф. М. Достоевском, А. А. Блоке¹⁹.

Л. Коварский. Любимые книги Достоевского

За последнее время наметилось изучение Достоевского со стороны влияния на него других писателей, изучение, обещающее дать много: Достоевский необычайно живо и горячо воспринимал прочитанное им, а с любимыми книгами почти не расставался.

¹⁶ Шумихин С. В., при участии Р. В. Тименчика. Никольский Ю. А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 325.

¹⁷ См., например: Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции, науч. описание / Сост. Н. Ф. Буданова и др. СПб., 2005. 338 с.; работы по теме «Л. Толстой и Достоевский» И. Л. Волгина, о. Г. Ореханова и др.

¹⁸ См.: Комарович В. Л. «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф. М. Достоевском. С. 61–64, 551–554.

¹⁹ Подробнее о творчестве и биографии Ю. А. Никольского см.: Шумихин С. В., при участии Р. В. Тименчика. Никольский Ю. А. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. С. 324–326; Богданова О. А. Из истории достоевсковедения первой половины XX века: В. Л. Комарович и Ю. А. Никольский // Достоевский и мировая культура: альманах. Вып. 32. СПб., 2014. С. 161–178; Богданова О. А. Эстетические идеи Б. Христиансена и российская наука о Достоевском в 1910–1920-е гг. (М. М. Бахтин, Б. М. Энгельгардт, В. Л. Комарович, Ю. А. Никольский) // Новый филологический вестник. 2014. № 4 (31). С. 21–33.

Самым любимым писателем Достоевского был Пушкин. Еще в родительском доме Достоевский перечитывал его до заучивания наизусть. Эта любовь осталась на всю жизнь. Инженерное училище, годы появления первых произведений, годы после каторги, жизнь за границей, наконец, «Дневник писателя» — все это периоды углубленного размышления над творениями Пушкина. Недаром Достоевским было дано новое понимание Пушкина, недаром Пушкинская речь так захватила всех. Пушкин для Достоевского был чрезвычайным, единственным и пророческим явлением русского духа. Он «бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

К Гоголю Достоевский относился более неровно. В начале 40-х годов это был любимейший писатель Достоевского. Он называл его «великим учителем», без конца перечитывал, всегда восторженно говорил о нем. «Шинель» и «Мертвые души» были его настольными книгами. Но «Переписка с друзьями» вызвала резкое недоумение Достоевского. Именно он читал вслух у Петрашевского письмо Белинского — ответ на эту «Переписку». После каторги опять преклонение перед Гоголем, но более спокойное, не похожее на восторженное, порывистое отношение к Пушкину. В 1877 г. Достоевский писал: «бесспорных гениев, с бесспорным новым словом во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частью Гоголь».

Достоевский ценил и любил еще Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Л. Толстого, Островского, Некрасова, Тютчева, но не их он считал «бесспорными гениями». Они преемники Пушкина, а Пушкин один, «как солнце над нашим мировоззрением».

Немецкий язык Достоевский знал плохо и читал почти исключительно переводы. Только два писателя захватили его. Гофман, которым он зачитывался в 40-х годах, и Шиллер. О влиянии Шиллера на Достоевского еще много придется говорить историкам литературы. Шиллера Достоевский любил всю жизнь, начиная с 40-го года, когда он писал: «Имя Шиллера стало мне родным, каким-то волшебным звуком», и до создания «Братьев Карамазовых», где Достоевский удивительно своеобразно и глубоко толкует «Гимн радости» и «Элевзинский праздник».

Французскую литературу (главным образом 40-х годов) Достоевский знал великолепно. Бальзак, Гюго, Жорж Занд, Ф. Сулье (автор «Memoires de diable») были его любимыми писателями. «Бальзак велик! Его характеры произведения ума вселенной!» — писал Достоевский, а в 44-м году он даже перевел «Eugénie Grandet». Гюго Достоевский помнил всю жизнь, а о Ж. Занд, после ее смерти, писал: «сколько взял этот поэт в свое время моих восторгов, поклонений и сколько дал мне когда-то радостей, счастья!» В 59-м году Достоевский получил от брата «Les romans de Voltaire» и с тех пор не раз перечитывал их. Особенно ценил он «Кандида» и часто цитировал его; в «Memento на всю жизнь» он отметил: «написать русского Кандида».

Английскую литературу знал Достоевский только по переводам. В детстве увлекался В. Скоттом, потом «Исповедью курильщика опиума» Матюрена, очень ценил Шекспира, но только Диккенс был ему особенно близок. «Пиквик» и «Давид Копперфильд» были среди немногих прочитанных им на каторге книг.

Величайшими художественными мировыми гениями называет Достоевский Шекспира, Шиллера и Сервантеса. «Дон Кихот» — «величайшая и самая грустная книга из всех созданных гением человека», писал Достоевский. «Если бы кончилась земля и спросили там где-нибудь людей — что, вы поняли ли вашу жизнь на земле и что об ней заключили? — то человек мог бы молча подать “Дон Кихота”».

Достоевский был знаком и с духовной литературой, как православной, так и католической. (Он зачитывался «Странствиями инока Парфения».) Нельзя понять Достоевского, не оценивая на него влияния Нового Завета. Он никогда не расставался с экземпляром Евангелия, полученным им на каторге. Он возил его всегда с собой и, умирая, завещал сыну. Часто Достоевский загадывал по Евангелию, раскрывая его наудачу. Последний раз, за три часа до смерти, Достоевский раскрыл «от Матфея» на III главе и, прочитав, сказал: «значит, я умру».

«Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду». Это были последние строки, прочитанные Достоевским.

Юр. Никольский. Достоевский и Толстой

Достоевский и Лев Толстой лично никогда не встречались. Достоевский прочел Толстого — впервые, выйдя из каторги, в 1855 г. «Л. Т. мне очень нравится, но, по моему мнению, много не напишет (впрочем, может быть, я ошибаюсь)» — говорит он тогда. «Детство» и «Отрочество» произвело на Достоевского впечатление: в 1870 г. он противопоставляет герою Толстого задуманного им «князя Ставрогина», а в 77<-м> году пишет в «Дневнике писателя»: «Чрезвычайно серьезный психологический этюд над детской душой, удивительно написанный». В 1861 г. Достоевский рекомендует как чтение для народа «отрывки из рассказов Л. Толстого». В 76<-м> г. ему кажется, однако, что севастопольские рассказы «непонятны совсем народу».

О Толстом пишет Достоевский Страхову в 69<-м>, 70<-м> и 71<-м> годах. Он хвалит статью Страхова о «Войне и мире» и полагает, что в философии истории Толстого: «Национальная русская мысль заявлена почти обнаженно и вот этого-то и не поняли и перетолковали в фатализм». Не может согласиться Достоевский со Страховым в том, что «Л. Толстой равен всему, что есть в нашей литературе великого» — он думает, что явиться с «Войной и миром», — «значит явиться после этого

нового слова, уже высказанного Пушкиным, и это во всяком случае, как бы далеко и высоко ни пошел Толстой в развитии уже сказанного в первый раз до него гением нового слова». Говоря о «помещичьей литературе», Достоевский пишет: «Она сказала все, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого). Но это в высшей степени помещичье слово было последним. Нового слова, заменяющего помещичье, еще не было»...

Достоевский в одном из писем завидует Толстому: «будь у меня обеспечено два-три года... как у Тургенева, Гончарова или Толстого, и я написал бы такую вещь, о которой 100 лет спустя говорили бы». В 1880 г. Достоевский советует как чтение одной девочке: «Лев Толстой должен быть весь прочтен».

Упоминается о Толстом в письмах Тургенева Достоевскому, в начале 60-х годов.

В Пушкинской речи, говоря о Татьяне и Лизе как о положительных типах русской женщины, полных красоты, Достоевский назвал еще Наташу из «Войны и мира», но после — почему-то, — при печатании исключил это место. Останавливается Достоевский в «Дневнике писателя» на «Анне Карениной». В Левине он видит «обособление»: «вряд ли у таких, как Левин, может быть окончательная вера. Левин любит себя называть народом, но это барич, московский барин средне-высшего круга, историком которого и был по преимуществу граф Л. Толстой». В Левине — «праздношатайство»: «веру свою он разрушит опять, разрушит сам, долго не продержится: выйдет какой-нибудь новый сучок и разом все рухнет». На слова Левина, что «непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть» Достоевский с раздражением замечает: «Слишком уже они дешево ценят русский народ. Старые, впрочем, оценщики. Не прошло и часу по приобретении веры, как пошла опять жариться малина на свечке». Достоевский был политиком по призванию, и его не могла не раздражать «домашность» разговоров Левина и старого князя о Восточном вопросе. В «Братьях Карамазовых» в последний раз упоминается Достоевским Толстой. Черт говорит о снах, которых «Лев Толстой не сочинит». Тут имеется в виду мужичок, произносивший французские слова над железом, снившийся Анне Карениной.

Незадолго до смерти Достоевского Толстой перечитал «Мертвый дом» и писал Страхову: «не знаю лучше книги из всей новой литературы, включая Пушкина». Известие о его кончине на Толстого больно и глубоко подействовало: «и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый близкий, дорогой, нужный мне человек»... «Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал, и теперь плачу. На днях, до его смерти, я прочел “Униженные и оскорбленные” и умилился».

Страхов написал свои воспоминания о Достоевском, а Толстому, кроме того, еще много про него худого, *à parte*. Толстой пишет ему: «я

вас вполне понимаю и, к сожалению, почти верю вам. Мне кажется, вы были жертвой ложного, фальшивого отношения к Достоевскому, не вами, но всеми — преувеличенного его значения и преувеличения по шаблону, возведения в пророки и святого, — человека, умершего в самом горячем процессе внутренней борьбы добра и зла. Он трогателен, интересен, но поставить на памятник в поучение потомству нельзя человека, который весь борьба». Толстой находит в Достоевском «заминку»: «Бывают лошади-красавицы: рысак цена 1000 рублей и вдруг заминка, и лошади-красавице и силачу цена грош. Чем больше я живу, тем больше ценю людей без заминки». Тургенев кажется Толстому «без заминки и свезет, а то рысак, да куда на нем не уедешь. Если еще не завезет в канаву». Поэтому он предполагал: «Ведь Тургенев и переживает Достоевского, и не за художественность, а за то, что без заминки».

Вот те немногие отзывы Достоевского и Толстого друг о друге, какие дошли до нас.

Библиографический список

- Б. п.* Скорбная летопись // Вестник литературы: Орган общества взаимопомощи литераторов и ученых. 1919. № 3. Март. С. 12–15.
- Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции, научное описание / Сост. Н. Ф. Буданова и др. СПб., 2005. 338 с.
- Богданова О. А.* Из истории достоевсковедения первой половины XX века: В. Л. Комарович и Ю. А. Никольский // Достоевский и мировая культура: альманах. Вып. 32. СПб., 2014. С. 161–178.
- Богданова О. А.* Эстетические идеи Б. Христиансена и российская наука о Достоевском в 1910–1920-е гг. (М. М. Бахтин, Б. М. Энгельгардт, В. Л. Комарович, Ю. А. Никольский) // Новый филологический вестник. 2014. № 4 (31). С. 21–33.
- Богданова О. А.* Письма В. Л. Комаровича П. Е. Щеголеву // Литературный факт. 2017. № 3. С. 272–282.
- День. 1916. 28 января. № 27. С. 4.
- Карпов А. А.* Кафедра истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета: эпохи и имена (1819–1919). URL: <http://lit.phil.srbu.ru/doc/karpov.doc> (дата обращения 28.09.2021).
- Комарович В. Л.* Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. 64 с.
- Комарович В. Л.* «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф. М. Достоевском / Сост., отв. ред. и автор вступит. статьи О. А. Богданова. М., 2018. 927 с.
- Лепехин М. П.* Бороздин А. К. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 315–316.
- Фомин А. Г.* С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича

Венгерова. Пушкинист IV / Под ред. Н.В. Яковлева. М.; Пг., 1922. С. X–XXXIII.
Шумихин С.В., при участии Р.В. Тименчика. Никольский Ю.А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 324–326.

Olga A. Bogdanova

A. K. BOROZDIN SEMINARY AT PETROGRAD UNIVERSITY
IN THE 1910S: THE FORMATION OF THE SCIENCE OF F. M.
DOSTOEVSKY

For the first time considers a little-known source of institutional formation of the science of F.M. Dostoevsky in the 1910s — seminar of the Professor of Petersburg University A.K. Borozdin, from which came the famous researchers of the life and work of the writer Ju. A. Nikolsky and V.L. Komarovich. The article analyzes the educational and scientific activities of the seminar. The main attention is paid to the forgotten publications under the heading “In Memory of F.M. Dostoevsky (To the 35th anniversary of the writer’s death)” in the Petrograd newspaper *Den’* (The Day) on January 28, 1916. In the article by A.K. Borozdin “From Memoirs” sums up the previous philosophical and essayist perception of Dostoevsky in Russia and proclaims the beginning of a new — scientific and philological — stage of mastering the heritage of the great writer, based on the study of facts and documentary sources. This is evidenced by two other articles of the collection — L. Kovarsky’s “Favorite books of Dostoevsky” and Yu. Nikolsky’s “Dostoevsky and L. Tolstoy”, devoted to the establishment of the writer’s reading circle and the analysis of his relationships with his contemporaries.

Key words: F.M. Dostoevsky, science, 1910s, Petrograd University, seminar, A.K. Borozdin, V.L. Komarovich, Yu. A. Nikolsky.

References

- B. p. Skorbnaja letopis’. *Vestnik literatury: Organ obshhestva vzaimopomoshhi literatorov i uchenyh.* 1919, no. 3. Mart. P. 12–15. (In Russ.)
- Biblioteka F.M. Dostoevskogo: opyt rekonstrukcii, nauchnoe opisanie*, sost. N.F. Budanova i dr. Saint Petersburg, 2005. 338 p. (In Russ.)
- Bogdanova O.A. Iz istorii dostoevskovedenija pervoj poloviny XX veka: V.L. Komarovich i Ju. A. Nikol’skij. In: *Dostoevskij i mirovaja kul’tura: al’manah*, vyp. 32. Saint Petersburg, 2014. P. 161–178. (In Russ.)
- Bogdanova O.A. Jesteticheskie idei B. Hristiansena i rossijskaja nauka o Dostoevskom v 1910–1920-e gg. (M.M. Bahtin, B.M. Jengel’gardt, V.L. Komarovich, Ju. A. Nikol’skij). *Novyj filologicheskij vestnik.* 2014, no. 4 (31). P. 21–33. (In Russ.)
- Bogdanova O.A. Pis’mo V.L. Komarovicha P.E. Shhegolevu. *Literaturnyj fakt.* 2017, no. 3. P. 272–282. (In Russ.)

- Den*. 1916, 28 janvarja, no. 27. P. 4. (In Russ.)
- Fomin A. G. S.A. Vengerov kak professor i rukovoditel' Pushkinskogo seminarija. In: *Pushkinskij sbornik pamjati professora Semena Afanas'evicha Vengerova. Pushkinist IV*, pod red. N. V. Jakovleva. Moscow; Petrograd: Gosizdat, 1922. P. X–XXXIII. (In Russ.)
- Karpov A.A. *Kafedra istorii russkoj literatury Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: jepohi i imena (1819–1919)*. URL: <http://lit.phil.spbu.ru/doc/karpov.doc> (date of access 28.09.2021). (In Russ.)
- Komarovich V.L. *Dostoevskij. Sovremennye problemy istoriko-literaturnogo izučeniija*. Leningrad, 1925. 64 p. (In Russ.)
- Komarovich V.L. “*Ves' ustremlenie*”: *Stat'i i issledovanija o F.M. Dostoevskom*, sost., otv. red. i avtor vstupit. stat'i O.A. Bogdanova. Moscow, 2018. 927 p. (In Russ.)
- Lepihin M.P. Borozdin A.K. In: *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskij slovar'*. T. 1. Moscow, 1989. P. 315–316. (In Russ.)
- Shumihin S.V., pri uchastii R. V. Timenchika. Nikol'skij Ju. A. In: *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskij slovar'*. T. 4. Moscow, 1999. P. 324–326. (In Russ.)